

ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.11)*

УДК 101

А.А. Бобков*Иркутский государственный университет**г. Иркутск, Россия.*

aleshabobkov@inbox.ru

А.И. Бобков*Иркутский государственный университет**г. Иркутск, Россия.*

iab71@inbox.ru

С.А. Гальцев*Иркутский национальный исследовательский технический университет**г. Иркутск, Россия.*

gans 1958@mail.ru

**ЭКЗИСТЕНЦИИ САМОАКТАУЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОСТИ
В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*****[Alexey A. Bobkov, Alexander I. Bobkov, Sergey A. Galtsev*****Existences of self-actualization of subjectivity****in the philosophical understanding of ethno-cultural identity]**

The simulacrum society creates the problem of the desubjectification of social existence. This is confirmed by the presence of the phenomenon of constructed identity of the individual and ethno-archaic type, which does not solve, but exacerbates the problem of finding a thinking community and a thinking subject. Following the paradigm of overcoming the ethno-cultural community for the well-being of the thinking subject is a distortion of the true essence of the ethno-cultural identity, leading to the marginal position of the ethnophobic imitator. Therefore, moving away from the ethno-phobia matrix is the most important methodological step to see the self-actualization of the self where it was previously nihilistically denied. To do this, the authors propose to overcome the objective understanding of ethno-cultural existence by replacing it with a subjective one. The intersubjective dialogue between the individual and the ethnic group will allow us to find meaningful life orientations where before everything was supposed to be devoid of existence.

Key words: ethnic subjectivity, ethno-cultural identity, ethnophobia, mass, self-actualization of the self, individuality.

Сегодняшнее состояние смысложизненных ориентаций субъекта можно назвать вслед за К.А. Свасьяном, опиравшимся на ницшеанское понимание смысла человека, «лабиринтом идентичностей». Здесь наиболее важным в методологическом значении является решение проблемы: «Человек для идентичности или идентичность для человека» (Д.А. Леонтьев). Как отмечал Р. Штайнер: «Истина лабиринта гласит: “Мысли другого человека должно рассматривать не как таковые – и принимать или отвергать их, – а нужно видеть в них вестников его индивидуальности. [...] Философия никогда не выражает общезначимых истин, она описывает внутренний опыт философа, посредством которого последний толкует явления”» [6, с. 18].

Сегодняшнее положение в мире идентичности состоит в том, что человек ищет не выход из их лабиринта, не ищет истины, а того Великого Другого, который подобно Ариадне выведет его. Заставит смотреть на лабиринт со смотровой площадки. Как отмечает Е.О. Труфанова: «Та смотровая площадка, которая делает возможным увидеть весь лабиринт – это и есть идентичность. Часто говорят о различных идентичностях человека, но это не совсем верно. Существует множество идентификаций, идентичность же – одна. Прежде чем вступить в наш лабиринт, необходимо понять, что из себя представляет идентичность» [8].

Одинокая идентичность заключается в выборе той мыслительной культуры, которая отражает всю полноту бытия человеком. Она отражается в двух измерениях с одной стороны это полнота когнитивного бытия, а с другой это полнота аффективного бытия. И здесь нельзя пройти мимо того, что идентичность социальна, ибо и аффектация и когнитивность социальны по своему выражению, если следовать методологии социального реализма Э. Дюркгейма. Человек совершает действия, высказывает мысли и проявляет эмоции, ориентируясь на поддержку той группы, в рамках которой его социально значимые черты признаны, он их выработал в рамках этой общности, и исключить его из этой общности невозможно. Как отмечает Т.Г. Стефаненко: «каждый человек обладает устойчивым этническим статусом, его невозможно “исключить” из этноса. Благодаря этим качествам этнос является для человека надежной группой поддержки» [7, с. 90].

Однако, не смотря на такую надежность этноса, во многих случаях мы сталкиваемся с противоположной позицией социального номинализма,

когда в поддержке отказывают этносу. Наступает состояние этнофобии. Личность боится, выбрав этнос, потерять себя в нем, то есть потерять себя как человека, а точнее потерять шанс на отыскание смысла жизни, путем присоединения к тому Великому Другому, который обозначает в качестве приемлемого состояние социального животного. Наступает ситуация, когда уверенность в этнокультурной идентичности пропадает. Наблюдается ситуация выхода из состояния эмоционального самовозвышения без мышления, которое Д.А. Леонтьев описывает следующим образом: «Пусть у меня вся жизнь летит под откос, пусть я валяюсь пьяным под забором, и с работы меня выгнали, и жена от меня ушла, зато я русский, представитель народа, который дал миру Пушкина, Чайковского, Толстого, Менделеева, Гагарина, Высоцкого и Валерия Харламова» [3, с. 96].

Как видим, Д.А. Леонтьев описывает маргинала, обладающего идентичностью на уровне эмоций, но не мышления и поэтому бессильного для преобразования себя. Благодаря убежденности только в таком императиве этнокультурной идентичности возникает иллюзия, полагающая, что для того, чтобы быть человеком необходимо отказаться от этнокультурной идентичности. При этом смотровая площадка для этнофобии предстает в виде очередной «матрицы русофобии», которая В.П. Бабинцевым и В.П. Римским выражена следующим образом: «Перед нами очередная попытка дилетантского конструирования этакой «русской матрицы», претендующая на открытие некоего «универсального кода русской истории», объясняющего если не все, то большинство негативных процессов в нашем далеком и близком прошлом, настоящем и угрожающем будущем антиисторичностью, антиличностностью и антиантропностью русской культуры» [1, с. 17].

Заметим, что такое состояние предпочтения этноса ведет к тому, что личность мыслящая, противящаяся маргинальному отождествлению этноса и массы устремлена к тому, чтобы продолжать традицию мироосмысления и мирочувствования своего народа, ибо в нем полнота человеческого бытия обнаружена и смысл найден. Состояние же фобии этнокультурной идентичности уподобляет человека одинокому мыслящему тростнику (Б. Паскаль), которому просвет бытия (М. Хайдеггер) открывается лишь тогда, когда стигматизация (И. Гоффман) собственного этноса проведена. И то и другое есть в нашей жизни. И если в случае маргинальной симулятивной этноархаической идентично-

сти отрицается экзистенциальная направленность личности в этносе, то в случае тотальной индивидуалистической критики необходимости этнокультурного сообщества экзистенциальная направленность этноса в личности.

Следует отметить, что методологически верным следует признать утверждение, что невозможно обрести возможность понимания самобытия личности без самобытия этноса и наоборот. Немыслящий этнос обречен на гибель, впрочем, как и не мыслящая личность. Покажите мне такую мыслящую о выживании этническую группу, которая бы восстала против подлинно инакомыслящей индивидуальности и такую индивидуальность, которая восстала бы против мыслящей этничности.

Если все же происходит отказ от идентичности с этническим сообществом или отказ от идентичности сообщества с мыслящей личностью, то в результате личность теряет возможность сохранения себя как саморазвивающегося социотворящего субъекта, а этнос утрачивает понимание утверждения своей субъектности в процессе самоактуализирующейся самости личности. Примечательно, что ни та, ни другая не могут согласиться с этой обреченностью и делают все для того чтобы жизнь победила логику.

Однако справедливости ради необходимо понять, что совмещение свободы в этносе с ответственностью за то, что с ним происходит в данной ситуации исторического бытия, требует колоссального мыслительного напряжения и совмещения философского языка с поврежденным борьбой с идентичностью обыденным языком. Гораздо легче уповать на некий конструкт и переложить ответственность за его бедственное некультурное состояние на его конструкторов. Такова позиция пранкера, который отождествляет массу и этнос в силу того, что ему это необходимо. Д.А. Леонтьев вводит интересный концепт «массовое бегство от личности», определяя его, как бегство «... в социальные группы, связанное с неустойчивостью мира». Примечательно то, что оно «...встречает полную поддержку со стороны людей, имеющих власть, потому что на всех уровнях властных отношений намного легче иметь дело с русскими, белорусами, евреями, православными, мусульманами, кавказцами, югославами, бюджетниками, предпринимателями, бандитами, военными и т.д., чем с личностями» [4, с. 7].

Хотелось бы возразить данной оценке в том, аспекте, что называется подмена понятий. Управлять легче массой, толпой, но не народом, ведь

именно массу оскорбляет все то, что не-масса (Х. Ортега-и-Гассет). Поэтому характеризуя бегство от личности к этносу, Д.А. Леонтьев на самом деле обозначил бегство личности к массе. Ведь легкость идентичности с массой соответствует психологическому настрою человека-массы, который согласно позиции Х. Ортега-и-Гассета выглядит следующим образом: «В социальном плане психологический строй этого новичка определяется следующим: во-первых, подспудным и врожденным ощущением легкости и обильности жизни, лишенной тяжких ограничений, и, во-вторых, вследствие этого – чувством собственного превосходства и всемогущества, что, естественно, побуждает принимать себя таким, какой есть, и считать свой умственный и нравственный уровень более чем достаточным» [5].

Бегство от личности невозможно, если речь идет подлинной этнокультурной идентичности, а не о сконструированном симулякре. В сконструированном симулякре идентичности самочувствие личности выглядит следующим образом: «Вместе с идентичностью член сообщества получает готовый «джентльменский набор» того, что надо для жизни – готовые ритуалы, готовые ценности, готовых друзей, готовых врагов... Как хорошо, когда не надо думать и самому принимать решения: кого бить и что спасать!» [3, с. 97].

В подлинной идентичности такой легкости нет и быть не может. Мы не случайно отметили тот факт, что при обретении подлинной этнической идентичности обретается этнокультурная идентичность. Этнокультурная идентичность требует совершения акта, нелегкого и порой обрекающего на непонимание власти и массы, но акта совершения того, что называется одновременным творением этнокультурной идентичности и ее обретением. Ведь в экзистенциальной направленности личности происходит соединение процесса жизни с культурой в поступке, что репрезентирует этнокультурную идентичность. Как отмечал М.М. Бахтин: «Акт должен обрести единый план, чтобы рефлексировать себя в обе стороны: в своем смысле и в своем бытии, обрести единство двусторонней ответственности: и за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности. Только таким путем могла бы быть преодолена дурная неслиянность и не-взаимопроницаемость культуры и жизни» [2, с. 7].

Этнос жив пока жизнь и культура совершаются в творческом или мыслительном поступке. Массовая идентичность противоположна этнокультурной идентичности в том, что избегает поступка.

Экзистенциальная направленность личности в том и заключается, что этнокультурная идентичность зависит «от мужества быть собой и быть частью» (П. Тиллих) и во всех идентификационных процессах опираться на собственное мыслящее «Я». Нельзя воспитать, любящую Отечество личность, если он как свободно мыслящий субъект не самоактуализировал себя в рамках своей этнической культуры через ее когнитивные и аффективные компоненты. Игнорирование этой связи ведет к тому, что внутренней самодостаточности без самобытной самодостаточности мыслительной культуры этноса не случается. Как отмечает Д.А. Леонтьев: «Идентичность не является проблемой для того, кто ощущает свое Я как внутренний центр помимо любой словесно формулируемой идентичности; он способен разрешать конфликт идентичностей, конструируя свое Я в соответствии со своими ценностями, а не наоборот» [4, с. 10].

В связи с этим возникает необходимость создания философской теории анализа феномена связи этнокультурной идентичности с экзистенциальной направленностью личности, которая в свою очередь послужит фундаментом выработки творческой любви к Отечеству. Любви, которая заключена в критическом и творческом осмыслении этнической культуры, как фундамента для самореализации личности.

Необходимость исключения человека для этнической идентичности считает условием мыслительной состоятельности тот, кто полагает гуманизм отсутствующим и даже неприемлемым для изначальной этнической культуры. Для преодоления ее фундаментального значения он бездоказательно высказывает суждения о ней как оконченной или тупиковой, с отсутствием любой возможности для самореализации мыслящего субъекта. Для него есть иное сообщество, где кто-то мыслит по-иному, свободно, где полнота человеческого бытия присутствует естественным образом. В своей же этнокультурной общности путь к полноте человекобытия или прерывается, или исчезает, а может быть его никогда не было.

Если признать данный факт, то возникает вопрос о том зачем нужна иллюзия этнокультурной полноты бытия. Возможно в рамках именно этой иллюзии

люзии человек себя чувствует энергично, социально ответственно, самодостаточно и самобытно, а самое главное свободно, до гражданского экстаза свободно. Именно в ней граждане равны, свободны и настолько осознают социальную консолидацию так, что забота о себе не может быть понята иначе, как забота о другом (М. Фуко).

Идентичность познания самого себя, самоосмысление и диалог с культурой от которой пророс мыслью, которая давала образцы справедливости, мудрости, человечности, а самое главное не допускала пошлости и ценила творимые тобой и только тобой духовные ценности посреди других, таких же творящих. Культура, дававшая идеалы людей, достигших максимального выражения человеческого в поступках. И вдруг веришь оценкам тех, кто утверждает, что в этой этнокультурной общности до сих пор не было самобытной мысли, она порождала только бесчеловечную «образованщину», потому что не было свободы политической безответственности. Как будто эта свобода наиболее важная из всех видов свобод. Видимо политик, согласившийся на универсализм без идентичности, как единственный мудрец ведет к Аристотелю с его политическим животным, а поэтому для личностной самореализации таким политиком должен стать каждый. Иначе личности нет вообще, а господство есть... Иллюзия того, что господство есть только в этой идентичности, а в другой ополитиневшей и окапиталистиченной этого нет... Абсурдное положение отыскания коммунизма там, где с коммунизмом дело не имели по-человечески, а только с подозрением в обмане. Коммунист обманщик, а буржуа?..

А если взять и убрать прерывистость, ведь следы обработки человеческого сознания дореволюционным способом сохранялись и в условиях диктатуры пролетариата, а если есть следы, то отыскать исток не составляло труда. Духовность уходила от политического человека, потому что наконец-то делилась не добыча, а делилась забота о человеке. Бог, принесенный в жертву, указывал на то, что самое опасное принести в жертву не бога «над», а бога «посреди». Общество с богом «над» – это заимствованное из внешней среды понимание того, с чем идентифицироваться нельзя, а вот общества с богом «посреди» очень хочется. И оно это общество существует, и существовало в рамках культуры, которая умудрялась обманывать власть и сохранять веру, а не религию. Вероисповедание как-то просто выводило на

то, что идентичность утрачивать невозможно... Странное дело повторяет Запад, ведь нами установлено, что безвозвратно утраченная идентичность и есть смысл прогрессивного развития человека, все иное есть регресс и потеря свободы, как культурного образца.

Сегодня универсализм призывает рвать с идентичностью. Для согласившегося жить в индивидуализированном обществе это важно и необходимо, иначе для него нет возможности мыслить.

Гегель с его самосознанием утверждал иное. Разрыв с идентичностью нужен как переход в инобытие, но самосознание – это возвращение из инобытия. Возвращения себя к себе, а это «к себе» может ли быть утрачено?.. Если да, то тогда куда возвращаться?.. Остаться в инобытии значит потерять самосознание, уничтожить свой язык как «дом бытия» (М. Хайдеггер). Бездомное скитающееся бытие к мышлению не ведет, а тогда куда?.. Предположим, что к утрате собственного смысла и утверждения абсурдности собственного высказывания на собственном языке, не хранящем истины. Язык не хранит истину, он лживый язык, дающий имена не те, что отражают суть предметов и процессов, а наоборот искажающих эту суть, похищающих их смысл. Похищенный смысл заставляет искать следы похитителя, а как? Опять вернуть бытие в дом, опять начать доверять языку и понять наконец-то, что идентичность обретается в первоязыке, когда вещи и процессы названы своими именами. Это название устанавливает четко, какие вещи необходимо принести в жертву, изъять из бытия, чтобы понять какво оно, первобытие, лежащее в основе идентичности. Вернувшись к первобытию, мы устанавливаем границы и самобытия и самосознания. А значит, возвращаемся из инобытия к себе. Бессмысленными становятся те вещи, процессы и императивы, которые бережно охранялись, и не следование им считалось безумием... А ведь идентичность – это безумие, потому что выбирает мышление интуитивное, а не рациональное.

Однажды выбрав свою идентичность, ты можешь быть причастен или не причастен к мысли о человеке. Тебя к ней либо сделают причастным, обозначив свободные идентичности, либо не причастным обозначив несвободные идентичности. Несвободные как неидентичности вовсе, квазиидентичности или антигуманные идентичности. В общем если ты выбрал себя в качестве играющего обществом-богом (Э. Дюркгейм), то ты избранный и

свободный, а если бог-этнос играет тобой, то ты несвободен, а значит тебе всего один шаг до состояния животного, объекта, коего не жалко принести в жертву, ибо животное, когда оно «безумствует», пристреливают. У тех, кто назначает значимые и отвергаемые способы идентичности, как будто есть знание, о том, что есть человек и что делать с теми, кто лишен звания человека и отнесен к двуногому животному.

Главным вопросом философии, касающимся идентичности, выступает вопрос: «Почему идентичность меняется?». Скорее всего, она меняется либо в контексте утраты или замены? Утрачивается, то есть либо разрушается, либо уходит из того места, где она была привычно обозначена, либо подменяется, то есть опять же либо подменяется с разрушением, либо перемещается. Если мы говорим об утрате (разрушении), то вполне возможным моментом выступает анализ процесса разрушения.

Кто разрушает и что разрушается? И почему никто этому не противодействует? Или кто перемещает или что перемещает и куда перемещает? И наконец, что перемещается и куда? Из этих вопросов следует, что необходимым условием анализа процесса идентичности следует признать утрату или обретение символической локализации и взаимодействий с этой локализацией связанных. Я высказываюсь или действую как обретший/имеющий идентичность, либо как разрушающий ее, либо как меняющий ее, либо как ее ищущий.

Если идентичность перемещается, то где? Во мне как в ее творце или осмысливающим ее, что вполне может быть одним и тем же или же вне меня, когда я вне ее и наблюдатель, и к процессу непричастен. Я наблюдатель тогда, когда ее боюсь или равнодушен к ней, полагая, что моя жизнь от нее не зависит. Значит идентичность объект, который со мной связи не имеет, и я его менять, изучая, не могу и не хочу. Не я его творил и не я его должен оберегать. Он разрушается сам по себе, как этническая суперсистема у Л.Н. Гумилева. Если даже он находится в фазе гомеостаза, то я за ним только наблюдаю, фиксируя от случая к случаю либо его постоянство, либо ища причины его неизменяемости в отрицательном свете, ибо позитивная оценка тем и специфична, что меняет меня. Идентичность на меня воздействует, и объект меняется, он засвечивается как субъект, задающий мне проблему сознания, меняя меня.

Делая выбор объекта, нуждающегося в одухотворении, человек осознает, что в одухотворении нуждается в первую очередь он. Одухотворяя

объект, человек стремится к тому, чтобы оставить этот мир более осмысленным и очеловеченным. Запрещая совершать те или иные жертвоприношения, он тем самым говорит об иных жертвах. Когда же запреты, им поставленные, нарушаются, в жертву приносится он и его одухотворенное бытие. Его деонтологизация заключается в том, что воздействие на него, как объект, не принимается за истину, ибо вызывает опасение раскрытия всего хода объективации, как разрыва с практиками одухотворенности в пользу даже не телесности, а полного самоуничтожения.

Субъект должен быть обозначен только там, где в жертву приносятся все традиционные типы диалогического характера, говорящие языком со следами одухотворяющей идентичности, когда социальное, природное и человеческое бытие не противоречат друг другу, а наоборот вызывают чувство взаимного воздействия друг на друга с целью сотворчества. И никакого господства одного над другим, но это противоречит системному характеру идентичности, когда ее сутью выступает подавление одной идентичности другой идентичностью.

Утраченная идентичность заменена какой-то другой, она ускользнула или растворена. Нам хочется быть причастными к чему-то более цивилизованному или омассовленному. Не имеющие гражданских прав мы позволяем себе быть недочеловеками, как будто те, кому это право дано за счет грабежа или замены человека дикаря гражданином, прощая ему убийства дикарей, населяющему страхом оказаться объектом немыслимым объектом. Находясь в такой ситуации, человек понимает, что человеческая идентичность как личностная, так и этнокультурная нуждаются в деполитизации. Только тогда будет вполне очевидной их взаимосвязь и необходимость друг для друга. Универсализм свободного субъекта без идентичности в таком случае будет означать только одно – симуляцию универсализма католико-протестантским партикуляризмом.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Бабинцев В.П., Римский В.П.* Матрица русофобии и ментально антропологические типы русской интеллигенции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013 № 8. С. 16–28.

2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Изд-во Русские словари, языки славянской культуры, 2003. 958 с.
3. *Леонтьев Д.А.* Идентичность личности в полисоциальном мире // Философские науки. 2012. № 11. С. 89–105.
4. *Леонтьев Д.А.* Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. № 10. С. 5–10.
5. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. [Электронный ресурс]. URL: http://pstgu.ru/download/1180624504.vosstanie_mass.pdf/ (дата обращения 31.03.2019).
6. *Свасьян К.А.* Человек в лабиринте идентичностей. М.: Evidentis, 2009. 187 с.
7. *Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность и некоторые проблемы её изучения // Этнос. Идентичность. Образование / Под. ред. В.С. Собкина / Труды по социологии образования. М.: ЦСО РАО, 1998. С. 85–104.
8. *Труфанова Е.О.* Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=102 (дата обращения 30.10.2019).

R E F E R E N C E S

1. *Babintsev V.P., Rimsky V.P.* Matrix of Russophobia and mental anthropological types of the Russian intelligentsia // Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2013. No. 8. P. 16–28.
2. *Bakhtin M.M.* Collected works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s. Moscow: Publishing House Russian dictionaries, languages of Slavic culture, 2003. 958 s.
3. *Leontiev D.A.* Identity of the individual in the polysocial world // Philosophical Sciences. 2012. No. 11. Pp. 89–105.
4. *Leontiev D.A.* Labyrinth of identities: not a person for identity, but identity for a person // Philosophical Sciences. 2009. No. 10. P. 5–10.
5. *Ortega y Gasset X.* Revolt of the Masses. [Electronic resource]. URL: http://pstgu.ru/download/1180624504.vosstanie_mass.pdf/ (contact date 31.03.2019).
6. *Svasyan K.A.* Man in the labyrinth of identities. M.: Evidentis, 2009. 187 p.

7. *Stefanenko T.G.* Ethnic identity and some problems of its study // Ethnic group. Identity. Education / Ed. V.S. Sobkina / Trudy po sotsiologii obrazovaniya. Moscow: TSSO RAO, 1998. P. 85–104.
8. *Trufanova E.O.* Man in the labyrinth of identities // Voprosy filosofii. 2010. No. 2. [Electronic resource]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=102 (accessed 30.10.2019).

14 апреля 2021 г.
